

УДК 316.7

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: ПОСТМОДЕРНИЗМ, КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕДИАДИСКУРС

А. М. Олешкова

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал)
(г. Нижний Тагил)
oleshkova@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – проанализировать возможности и ограничения репрезентации офлайн-культуры в онлайн-пространстве. Как следствие, необходимо охарактеризовать феномен постмодернизма, очертить его границы и ключевые маркеры. Пластичность границ и содержание эпохи постмодернизма обуславливают современного «говорящего субъекта», его взаимоисключающие модели поведения: например, абсентеизм и политизация. Выявлены и охарактеризованы проблемы репрезентации в медиадискурсе, который носит преимущественно квазиполитический характер. Обозначены чувствительные сферы репрезентации: гендерная, расовая, идеологическая. В контексте критической теории и постмодернизма представлены сложности в репрезентации, связанные с тремя факторами: ограниченность языка и символов, предвзятость и субъективность авторов, сложность и многогранность самих явлений культуры. Современное общество – постмодернистское и капиталистическое. В статье использованы методы историко-философского, компаративного анализа и критического дискурс-анализа. Сделан вывод, что свобода для «говорящего субъекта» является декларируемой, а идентичность – множественной и динамичной, что позволяет говорить о проблеме десубъективации социального агента в условиях децентрированной коммуникационной сети и конфликтующих типов репрезентации социокультурного пространства по типу «конструирование» или «отражение».

Ключевые слова: репрезентация, онлайн-культура, офлайн-культура, медиадискурс, контекст, постмодернизма, критическая теория, Франкфуртская школа.

Для цитирования: Олешкова, А. М. (2023). Проблема репрезентации: постмодернизм, критическая теория и медиадискурс. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 4. С. 14-27. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.14-27

THE PROBLEM OF REPRESENTATION: POSTMODERNISM, CRITICAL THEORY AND MEDIA DISCOURSE

A. M. Oleshkova

Russian State Vocational Pedagogical University (branch) (Nizhny Tagil)
oleshkova@bk.ru

Abstract. The purpose of the article is to characterize the possibilities and limitations of the representation of offline culture in the online space. The article uses methods of historical and philosophical, comparative analysis and critical discourse analysis. The specifics and genesis of the concept of “postmodernism” are determined in connection with the need to understand the essence of modern culture, which can be represented as divided into online and offline spaces. The problems of representation in the media discourse, which is predominantly quasi-political in nature, are identified and characterized. The sensitive spheres of representation are indicated: gender, racial, ideological.

In the context of critical theory and postmodernism, the difficulties in representation associated with three factors are presented: the limitations of language and symbols, the bias and subjectivity of the authors, the complexity and versatility of the cultural phenomena themselves. Modern society is postmodern and capitalist. It is concluded that freedom for the “speaking subject” is declared.

Keywords: representation, online culture, offline culture, media discourse, context, postmodernism, critical theory, Frankfurt School.

For citation: Oleshkova, A. M. (2023). The Problem of Representation: Postmodernism, Critical Theory and Media Discourse. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 4. pp. 14-27. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.14-27

Современный человек испытывает влияние лингвистического и визуального поворотов. Новые акценты в культуре и методологии обуславливают обращение к характеристике такого феномена, как постмодернизм, являющегося контекстом и наполнением современности. В отношении данного термина существует многообразие трактовок, в том числе в рамках сопряженных категорий [Горбунова, 2011], приводятся разные варианты точек отсчета и динамики развития обозначенного явления.

Существует версия о начале данного явления с творчества Ф. Ницше, в работах которого ведется активная борьба с идеями рационализма. В более классическом варианте началом данного явления считаются 60–70-е гг. XX в.

Следует выделить следующие грани в осмыслении феномена «постмодернизм» с точки зрения его генезиса и морфологии:

- течение, связанное с художественными практиками, посредством которых происходит отказ от метафизичности; конструктивная критика принципов классического рационализма и традиционных ориентиров метафизического мышления [Емелин, 2010];
- новый этап развития европейской культуры XIX в.; фактически подразумевается период, идущий за Новым временем [Тойнби, 1990; Горбунова 2011];
- преемственность в антропологической традиции, начиная с Сократа, Платона, Августина Блаженного, Гегеля [Hassan, 1987];
- синхронизация философского и социологического смыслов через сведение к общему знаменателю общества постмодернизма и постиндустриального общества [Лиотар, 1998; Белл, 2004].

Интересна точка зрения отечественного исследователя А. Рыкова, рассматривающего постмодернизм через феномен «консерватизм» [Рыков, 2007]. Консерватизм как обобщающая категория позволяет говорить о системных и стабильных качествах состояния культуры. Следует отметить, что параллель «консерватизм – постмодернизм» не является распространенной темой в отечественной гуманитарной науке [Мусихин, 2013, с. 102].

Симптоматично, что в культурологическом смысле термин «постмодернизм» предполагает такой тип мировоззрения, который означает свободу во всем. Постмодернизм можно понимать как направление культуры 60–70-х гг. XX в., отразившее преодоление культурного кризиса современного общества.

Также начало эпохи постмодернизма связывают с выходом работы Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы» [Fiedler, 1972]. В работе критикуются авторы предшествующей эпохи модерна (Джойс, Пруст и др.) за их рафинированность, замкнутость

и элитарность идей. Прежде всего, Лесли Фидлер предлагает стереть границы между элитарной и массовой культурой. Примечательно, что впервые призыв Фидлера был опубликован в журнале «Playboy». Помимо новой демаркации между этапами и формами культуры следует отметить особенности новой культуры.

Современная культура строится на принципах двойного кодирования. Показательными являются работы У. Эко, например, «Имя Розы» [Эко, 2014]. Для неподготовленного читателя подобный текст представляет собой захватывающий детектив. Для профессионала – семиотическую реальность, требующую процедуры дешифрования, наполненную многочисленными аллюзиями. Социокультурная реальность становится множественной и подлежит сложной процедуре осмысления, но при этом доступна и простому обывателю.

Новый мир – это смешение реальностей, смешение временных и пространственных континуумов. Так, Майкл Крайтон создает «Парк Юрского периода» – образец технотриллера, в котором ярко переплетены законы разных жанров. Из-под его пера также вышли сценарии «Западного мира», представляющий воедино проблемы технологизации и гуманизации современного миропорядка.

Новая реальность такова, что стирает не только массовое и элитарное, но также чудесное и вероятное. Виртуальное и реальное находятся в сложно различимой плоскости [Делез, Гваттари, 1998, с. 204-205]. Это означает расширение всяческих границ, нарушение канонов, изменение привычных форм и содержания. Такая тенденция заметна в разных видах и жанрах литературы, архитектуры, философии. Лидерство постмодернизма в 1970-е гг. принадлежит как раз архитектуре, в которой предметно отражены тенденции разомкнутости, реализация принципа ризомы. У зданий нет четких границ и форм, возможны любые варианты продолжения. Важными элементами становятся стекло и зеркало, выполняющие функцию двойного агента: одновременно отражают и скрывают реальность.

Философский постструктурализм, прежде всего французский, предоставил важнейшие интеллектуальные ресурсы для развития постмодернизма: Ж. Деррида, Ж. Делез, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ю. Кристева. Совокупно представители этого течения выдвинули следующие идеи:

- догм не существует, все предшествующие авторитеты больше не оказывают влияние на умы нового поколения; вера в догмы невозможна по определению;
- должна быть обозначена установка на множественность, зафиксирован распад былого единства, что характерно и для тотальности бытия, и для статуса субъекта: итогом является «распад» или «уничтожение», в конечном счете, «десубъективация» [Фуко, 2005, с. 215];
- для описания явлений и процессов нет универсального языка, происходит взаимопроникновение разных языков, принадлежащих разным контекстам;
- отсутствуют единые законы логики, ранее позволявшие объяснять противоречия мира; нет бинарных оппозиций между такими понятиями, как *след*, *различие*, *письмо*, с одной стороны, *наличие* и *логоцентризм* – с другой [Деррида, 2000, с. 20];
- мир алогичный и рассогласованный; нарушены традиционные грани и пространства, разрываются привычные нити повествования [Кристева, 2003, с. 175].

Следует говорить о ризоматичном мышлении, соответствующем механизму, разобранному в работе «Капитализм и шизофрения» [Делез, 2008]. Шизофреничная модель творчества предполагает возможность увидеть в себе другого.

В этом новом культурном пространстве действуют спонтанные культурные агенты, активность которых может, подобно Интернет-серфингу, менять свои траектории. Для новой культурной ситуации характерно игровое начало, постоянная смена состояний, отрицание всех ранее обозначенных норм (этических, эстетических, методологических). При этом новые условия не формируют общих представлений об эталоне чего-либо. Человек с плохим вкусом – это некоторая норма, с которой соглашается общество, по определению допуская все, что не запрещено. Современное общество и культура характеризуются разрывом между массовым и элитарным. Не случайно считается, что современное арт-пространство наполнено перформансами, хэппинингами, флеш-мобами, вовлекающими в культурные практики разнообразные слои населения. Многие из этих практик ушли в онлайн-пространство, а в своем изначальном виде уже стали классическими и несовременными. Неизменно, что игра представлена через иронию и гротеск – это способы интерпретации современной действительности. Фактически не масса дотягивается до уровня элиты, а элита движется в сторону массовых форм и ценностей.

Постмодернистский взгляд на мир предполагает переосмысление ценностей мира модерна, представленных рациональностью, культом технического преобразования, идеей вечности исторического процесса. 1970-е годы – время ставших очевидными проявлений кризиса в различных сферах: экономической, экологической, истории. Закономерным является вопрос, обозначенный в работе Ф. Фукуямы «Конец истории?». Сегодня Фукуяма иначе отвечает на поставленный ранее вопрос [Фукуяма, 2019].

Если техника начала проникать в мир культуры, то общий *технизм* как ориентир современного общества стал трансформироваться в *вещизм*. Новым отношением сопровождается телесность человека. Легитимизируется культ телесности, что также отражает тенденцию сближения массовой и элитарной культур, в рамках которой физиология, восходя из низовой культуры, становится частью общей культуры. Современность сопровождается новым восприятием времени. Все процессы происходят очень быстро. Человек превращается в прагматика, руководствующегося задачами, понятными и прозрачными, прежде всего, самому себе, построенными на материальных интенциях. При этом материальная, массовая культура помогает субъекту справиться со сложной жизнью. Сериалы, Интернет-пространство формируют территорию эскапизма и гедонистического абсентеизма. Создается новый образ героя. Антагонист, плохой парень – это тот, за кого начинает переживать публика. Показательными являются современные сериалы «Dexter» и «You», в которых антагонист становится протагонистом, которому сопереживает зритель. В неожиданном ракурсе может быть представлен любой субъект, явление или процесс. В современном обществе мало табуированных тем. Десакрализируется все, что в предшествующие эпохи считалось значимым. Смеховая культура отражена в Интернет-мемах, демотиваторах и других частях Интернет-пространства, представленного полимодальными феноменами. Преобладает атмосфера несерьезности и профанирования сакрального: ценностей, власти, устоев, социальных институтов, в конечном счете, самого человека.

Важным оказывается тот факт, что массовая культура не имеет опций по приращению новых смыслов. Законы жанра, банальность сюжета, как одна и та же сказка для ребенка, которую он готов слушать каждый день, формируют устойчивую картину повторяемого бытия, самовоспроизводимого в каждой своей точке. В этом отношении мир постмодерна устойчив и традиционен: констатируя многообразие вариантов, он не порождает нового смысла. В постмодернистском тренде только массовая культура способна сформулировать внятное моральное суждение в условиях массового кино, музыки, искусства. М. Липовецкий определяет ряд признаков постмодернизма, позволяющих понять современную социокультурную ситуацию: интертекстуальность, игра, диалогизм хаоса и порядка [Липовецкий, 1997].

Современная культура представляет собой дискурс, требующий применения стратегий прочтения. Термин «дискурс» – один из самых противоречивых в современной науке. Проблема усиливается, и одновременно сам феномен приобретает большую значимость в связи с тем, что данное понятие несводимо ни к какой одной области, а, напротив, выходит на процессы, осмысляемые философией, социологией, политологией, лингвистикой и другими науками. С одной стороны, дискурс аккумулирует прагматическую составляющую коммуникации и связан с сугубо лингвистическими проблемами, с другой – выходит на вопросы ментальности говорящего социума. Мы понимаем дискурс в рамках условной схемы «текст + контекст».

Реальность в мире постмодерна выражена семиотически и интертекстуально, когда всякий текст в отношении другого текста является именно интертекстом. Если вплоть до эпохи модерна включительно речь могла идти о бессознательной экстраполяции идей, то современность осознанно оперирует разными контекстами, сводя воедино различные эпохи и ценности. Текст становится анонимным и одновременно цитатным. Воображаемое и реальное слабо отличаются, что создает иллюзию со-присутствия всего и всему. Также трудно выделить *субъект*, который растворен в самовоспроизводящихся контекстах. Если даже не абсолютизировать тезис о «смерти автора» [Барт, 1989, с. 384-391], то стоит отметить, что фокус внимания смещается от автора и его сознания к самому тексту. В этой связи эстетика и этика эволюционируют от нормативной к ненормативной ситуации, определяя безграничное своеобразие субъекта, стоявшего за текстом, или его отсутствие. Перефразируя Р. Барта, можно говорить о изначальной «смерти анонима».

Культура карнавала является постмодернистской универсалией. Новая социокультурная ситуация отказывается от принципа мимезиса. Игра связывает автора, текст и читателя. Понятие игры включает в себя разрушение канонов, множественность и релятивность смыслов, активность всех вовлеченных в этот процесс субъектов, что обуславливает деиерархизацию явлений. Смех становится важным приемом, обновляющим сакральные смыслы. Это тенденция особенно проявляется в сетевом языке, новоязе, которым оперирует «говорящий субъект». И Интернет-мемы, и речь в Интернет-комментариях включают в себя целый спектр средств и жанров: англицизмы, неологизмы, олбанский язык, языковую игру, иронию, обценную лексику, язык вражды и др.

Явления хаоса и порядка сопровождаются взаимопроникновением и диалогизмом. Антиномия «хаос – космос» в этой связи позволяет осмыслить особенности постмодернистского мышления и речи. Классическая культура давала возможность субъекту вытеснять деструкцию из своей художественной деятельности в периферийные области,

элементы хаоса были включены в авторскую концепцию, подчинялись ее законам. В постмодернизме хаос вступает в диалог с субъектом, представляя новый синтетический феномен, в котором преодолевается вечная художественная и экзистенциальная антитеза, сближающая гармоничное и хаотичное.

В постмодернизме изменения претерпевает проблема репрезентации, являющаяся ключевой для современного социально-гуманитарного знания, в том числе в контексте дискурсивных и когнитивных исследований. При обращении непосредственно к визуальным и текстовым источникам важным является ряд новых положений проблемы. Еще с позиции гегельянства искусство рассматривалось как способ репрезентации внешнего и внутреннего миров, позволяя одновременно осознать собственную субъектность и внешнюю реальность. Частное и особенное в художественном образе составляет его содержание. «Характерное» включает в себя «определенное чувство, ситуацию, событие, поступок ... тот способ, каким это содержание изображается» [Гегель, 1968, с. 24]. Вместе с тем Гегель понимал ограничения столь абсолютистского подхода, полагая, что не вся истина может быть представлена художественным образом. Популярные и эволюционирующие Интернет-мемы, с одной стороны, оперативно реагируют на изменения социокультурной реальности, с другой – их период существования очень скоротечен. Интернет-мем не может реконструировать абсолютно полную картину мира по тому или иному вопросу. Простой тест: если субъект видит мем и не смеется над ним, или совсем никак не реагирует, для него этот мем не прецедентен.

Традиция постмодернизма определяет проблему смысла через несколько векторов: слияние значения с референтом или детерминированность языком. При том, что второй вариант тяготеет к классической интерпретации смыслов, постмодернисты отдают предпочтение идее конвенциональных и произвольных связей между означающим и означаемым. Необходимо было разорвать неестественное единство формы и содержания. С одной стороны, постмодернистские трактовки не позволяют утверждать, что мир можно подвергнуть репрезентации, но, с другой стороны, все есть репрезентация [Рыков, 2007, с. 96, 97, 100, 101]. При этом акцентирование внимания на концепции должно происходить через перцепцию, т. е. реципиент должен понимать транслируемые смыслы, во-первых, через ощущения, во-вторых, в контексте. Именно контекст начинает играть первичную роль в сравнении с самим артефактом. Отказ постмодернистов от единого языка и призыв учитывать и соединять множество языков был связан с восприятием языковой системы как тоталитарной и в определенной степени опередил акцент на полимодальности современной культуры. Важную роль играет карнавальная процесс, смеховая культура, переосмысление категории хаос и особый статус смысла в контексте плюрализма мнений. Преломление этих постмодернистских черт в культуре происходит в формате разных площадок коммуникации (социальные сети, форумы, блоги) и в виде разных источников (Интернет-мемы, демотиваторы, ранее – карикатуры, комиксы).

Таким образом, именно постмодернизм актуализировал проблему полимодальности. Постмодернистская ситуация текста (в широком социокультурном смысле) сопровождается акцентом на новом статусе субъекта (тезис о «смерти автора») и самого текста (тезис «мир – это текст»). «Постмодернизм» можно понимать в следующих смыслах: эпоха, методология

и метод критики культуры, эстетическое направление, социальное явление и отказ от метафизики. Две основные позиции, которые можно сформулировать, исходя из существующих споров о терминах: постмодернизм – это продолжение модерна; постмодернизм закончился, и наступила стадия иных «измов» [Метамодернизм..., 2021].

Обозначенные противоречия генезиса и интерпретации постмодернизма обусловили противоречивость процессов порождения, потребления и интерпретации информации, которые происходят в современном обществе. Постмодернизм связан с поздним капитализмом. Эта связь раскрыта в работе Ф. Джеймисона, идеи которого оказали влияние на творчество С. Жижека и П. Андерсона, представляя собой продолжение развития тезисов Франкфуртской школы. Помимо широкого перечня непосредственно экономических процессов и явлений, Джеймисон упоминает медийный фактор развития капиталистических систем. Постмодернизм в этой связи является своего рода культурной модальностью капитализма, эпифеноменом. Постмодернизм в эпоху капитализма – это иллюзия множества интерпретаций и открытости. Отвергая идею единого истинного значения, признается идея множественности. Это отражается на процессе коммуникации, где каждый индивидуум может иметь свою собственную версию истины и свою собственную интерпретацию сообщений. При этом следует учесть обратную сторону информационных технологий, которая связана с коммерциализацией, искажением истины и манипуляцией. Постмодернизм – индикатор культурной логики развития капитализма. В результате исчезает не только референция и значение, но сама реальность и ее смысл представляют собой набор случайных означаемых и означающих, совокупность «несвязанных друг с другом подсистем» [Джеймисон, 2019, с. 661].

Современная культура, с одной стороны, вполне четко разделена на онлайн- и офлайн-пространства. Онлайн-культура – культура, развивающаяся в онлайн-среде, включает в себя социальные сети, социальные медиа, блоги, форумы и другие Интернет-платформы. С другой – сегодня стоит констатировать тот факт, что современный человек большое количество времени проводит именно в онлайн-пространстве. Как следствие, разделить эти модусы (онлайн – офлайн) не так просто. Репрезентация относится к способам представления и интерпретации мира через язык, символы, знаки. Ограничения в механизмах репрезентации можно объяснить различными факторами, в частности, связанными с субъектом, языком, который субъект использует, а также темой, которая излагается на данном языке. Для понимания специфики современного общества и процесса репрезентации важно обратиться к феномену медиадискурса, в котором современный человек заявляет о себе и интерпретирует Других.

К медиадискурсу относится совокупность нарративов в медиа, созданных для передачи информации и формирования общественного мнения. При обозначенном выше гедонистическом абсентеизме, контрастным феноменом является нарастающая политизация современной культуры. Культура в этой связи выступает как маркер состояния общества (в том числе политическая культура, ее уровень). В упрощенном виде продукты медиадискурса можно поделить на три большие группы: развлечение, профессиональные знания и политика. Анализ социальных медиа, прежде всего Интернет-комментариев к постам, свидетельствует о том, что «говорящие субъекты» могут перевести самые далекие от политики темы в политическую плоскость, точнее квазиполитическую. Язык медиадискурса носит преимущественно квазиполитический характер, вовлекая политику

в разные контексты: спорт, музыка, социальные институты, др. Эти и другие темы обсуждаются не только в «чистом» виде, но и в рамках разговора о традициях, образе государств, морали, нациях, нормальности и т. д. Кроме того, о политическом характере медиадискурса свидетельствуют следующие его опции: влияет на общественное мнение, представляя определенную идеологию; является платформой для политических партий и отдельных политиков; медиа взаимодействуют с политическими институтами, играют важную роль в общественном контроле и участвуют в формировании гражданской позиции по ключевым вопросам современности – иммиграция, социальная справедливость, неравенство, коррупция, экономические проблемы и др.

Медиадискурс использует язык и символы для формирования идеологий и систем ценностей. Культуриндустрия, описанная Франкфуртской школой [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 149-209], представлена разными секторами (кино, телевидение, музыка, издательство, реклама, а сегодня еще Интернет, который включает в себя все то же самое и еще мощный локализованный и одновременно рассредоточенный сектор коммуникации), определяя господствующую идеологию потребления. Через этот фильтр проходит любая репрезентация в медиадискурсе.

Культуриндустрия – это часть капиталистической системы и служит целям контроля и манипуляции общественным сознанием. Она создает и продвигает определенные идеологии, стереотипы и образы, которые соответствуют интересам доминирующих социальных и экономических групп. Составные элементы культуриндустрии, которые можно назвать культурными товарами, поддерживают определенные ценности, паттерны поведения. В этой связи, с одной стороны, квазиполитичность, действительно, не означает истинную политизированность, построенную на академическом знании. С другой стороны, существуют противоречия и напряжения внутри культуриндустрии, которые могут обусловить проявление критических идей, т. е. создать возможность альтернативного потребления. Условно разница между просмотром сериалов на телевидении или по подписке Кинопоиск или Netflix. Наличие / отсутствие альтернативы не говорит в пользу исчезновения идеологии потребления как части капиталистической системы.

Контроль и манипуляция, «вшитые» в ткань культуриндустрии, транслируют определенные образцы поведения, стереотипы. Культуриндустрия формирует условия для репрезентации различных социальных групп и идей.

Ограниченность языка и символов влияет на трансляции замысла автора, что делает репрезентации неточными. Ограничения, порождаемые институтами, работают как фильтры. Кроме того, в любой культуре существуют табуированные темы [Лиотар, 1998, с. 49]. Это важно подчеркнуть особенно с учетом того, что современное общество – капиталистическое и постмодернистское одновременно. Но радость от товаров не обязательно внушаема вещами [Джеймисон, 2019, с. 58]. Неоспорима роль языка в формировании культурных значений, и этот процесс всегда идет с издержками. Вещи не всегда удается «блистать» при редуцировании знака. Репрезентант оказывается репрезентацией, и этот процесс будет бесконечным. Репрезентация чужда интуитивной очевидности [Деррида, 2000, с. 171]. В условиях культуриндустрии, которая является контекстом для «говорящего субъекта», бесконечность сводится к конкретным модусам операнди, поэтому варианты потребления есть, но они остаются потреблением, в котором

субъектность «говорящего субъекта» остается под вопросом. Вполне конкретным перечнем являются и сами ограничители, следствия репрезентации, прошедшей через фильтры культуриндустрии: стереотипы, предубеждения, дискриминация, стигматизация. Закономерно сложными и искаженными представляются отображения следующих концептов: гендер, религия, раса, идеология. В этой связи следует отметить методологию критического дискурс-анализа, направленную на выявление отношений скрытого доминирования в языке: в диапазоне от официального текста до повседневной речи [Дейк, 2013]. Сведения о происходящих событиях в мире «говорящий субъект» потребляет и высказывается по их поводу на основе «медиафактов». Под этим понятием подразумевается событие, соответствующее одному из двух критериев или одновременно обоим критериям: специально отобранное для потребления в том или ином ресурсе (социальная сеть, группа, телеграмм-канал и др.) в связи с идеологической основой самого ресурса; отражающее псевдособытие, искажающее положение вещей полностью или частично. Последняя трактовка отражает идеи критической традиции, выраженной как в философском и социологическом направлениях, так и в лингвистическом. В одном и том же случае, обсуждая одну и ту же тему, могут применяться средства «высвечивания» и «затемнения» отдельных аспектов этой темы [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 97; Дейк, 2013, с. 263].

Оптика постмодернизма и критической теории подвергает сомнению единство и непротиворечивость репрезентации, утверждая, что она всегда субъективна и зависит от контекста. В конечном счете репрезентация оказывается разнородной, отражает различные интересы и властные структуры. При этом «власть» следует понимать в категориях философии Мишеля Фуко: рассредоточенной, имеющей разные точки порождения, фактически она повсюду [Фуко, 1996, с. 193], власть отошла от стратегии использовать только лишь административный ресурс. Упрощая, можно привести примеры редакторской политики того или иного издания, идеологии того или иного кинофильма [Жижек, 2017], идеологической позиции стриминговых сервисов. В этой связи можно привести в пример дискуссии относительно включения образа чернокожей Русалочки Disney. Также не нужно забывать правовые нормы регулирования медиадискурса и культуриндустрии в целом – это отдельный механизм, который также следует учесть. Офлайн-культура влияет на развитие онлайн-культуры, определяя ее ценности и нормы (моральные и правовые). Онлайн-культура репрезентирует офлайн-культуру, а также привносит новые идеи и культурные практики. Как правило, оценки, которые транслируют и ретранслируют «говорящие субъекты», можно свети к двум типам репрезентаций: конструирование и отражение [Федосеева, 2016; Кузнецова, 2019]. Если «отражение» позволяет верифицировать ретранслированную информацию, то при «конструировании» возможны разного рода искажения информационного поля: исключение референта, произвольное наделение субъекта статусом референта, расширение или сужение события, включение конспирологических теорий и другие приемы, меняющие дискурс. И коммерческие интересы, и политическая манипуляция влияют на медиадискурс, акцентируя предвзятость и ограничения информации, представляемой в медиа. Хабермас в работе «Структурные изменения общества» обращается к истории понятия

«репрезентация» через Г. Гадамера, ссылаясь на христианскую и правовую традицию, и отмечает, что это не только и не сколько «отображение», сколько «изображение» [Хабермас, 2016, с. 55], репрезентант зависим от идеи репрезентации. Исследуя роль медиа в формировании общественного мнения и их манипулятивный ресурс, следует учитывать и культурный, и институциональный контексты [Хабермас, 2016, с. 27], а также сами СМИ и «говорящего субъекта».

Таким образом, эпоха постмодернизма закономерным образом сопровождается противоречивыми оценками. Симптоматичными являются противоречия и самого современного общества, которое можно вписать в двойственный концепт «постмодернизм – капитализм» (с возможной ремаркой: поздний, национальный, др.). Медиадискурс – часть онлайн-культуры, представленной СМИ и реакцией «говорящих субъектов». «Говорящий субъект» является анонимным автором медиадискурса, при этом зависим от него. Репрезентация как процедура, связующая онлайн- и офлайн-пространство, ограничена рядом факторов, которые рефлексировались на уровне самих философов-постмодернистов (вариант интроспекции, с учетом пребывания в анализируемом времени) и в работах представителей критической традиции, в частности, Франкфуртской школой (попытка стороннего наблюдателя, однако так же не лишённого субъективизма, с учетом изначальной установки на заведомую манипулятивность любого дискурса, что проявляется в традиции критического дискурс-анализа). В целом, сложности репрезентации связаны с ограниченностью языка и символов, субъективностью и предвзятостью авторов, а также сложностью явлений, по поводу которых высказывается «говорящий субъект». Теоретики постмодернизма и Франкфуртской школы обращают внимание на эти сложности и предлагают критический анализ и осознание ограничений репрезентации. В условиях коммуникации в Интернет-пространстве репрезентация и идентичность «говорящего субъекта» оказываются тесно связанными и взаимно обусловленными. С одной стороны, репрезентация является способом, которым субъект представляет себя Другим, а идентичность относится к тому, кем на самом деле является субъект. С другой стороны, в условиях массовой культуры существует тенденция потери индивидуальности и десубъективации. Анонимный субъект, высказывающийся на актуальную тему в Интернет-пространстве, не обладает монолитной идентичностью и способен менять оценки в зависимости от типа репрезентации: конструирование или отражение. В обоих случаях не субъект порождает репрезентации, а репрезентации лишают «говорящего субъекта» субъектности. Такая логика вписывается в разные интерпретации критической традиции: Мишель Фуко (дискурсивные практики и властные отношения определяют, какие идеи, знания и представления считаются правильными и допустимыми), Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер (культурная индустрия создает стандартизированные и массовые формы культуры, которые ограничивают индивидуальность и самовыражение), Фредерик Джеймисон (логика рынка усиливает процесс десубъективации, который приводит к тому, что субъекты становятся объектами воздействия и манипуляции в эпоху постграмотности). Симптоматично, что в современном медиапространстве сложными и противоречивыми представляются дискуссии «говорящих субъектов» относительно таких концептов, как идеология, гендер, раса, этнос, нация и других феноменов, которые сочетают академические и бытовые измерения, а также вписываются в актуальную медиаповестку. Онлайн- и офлайн-культура пребывают в тесном взаимодействии и в условиях

децентрализованной коммуникации с многообразием горизонтальных связей представляют собой единую систему, в каждой из частей которой могут формироваться медиаповоды с последующей их трансформацией и разными типами перехода: из онлайн в офлайн и наоборот (эволюция интернет-мемов, прецедентных фраз, закрепление новояза в медиaprостранстве и в повседневной речи).

Список литературы / References

Барт, Р (1989). *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.
Bart, R (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow. (In Russ.)

Белл, Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia.

Bell, D. (2004). *The coming post-industrial society. The experience of social forecasting*. Moscow. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1968). *Эстетика*. В 4-х т. Т. 1. М.: Изд-во «Искусство».
Hegel, G. V. F. (1968). *Aesthetics*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Горбунова, Л. И (2011). Постмодерн как тенденция развития культуры XX века. *Вестник МГТУ*. Т. 14. № 2. С. 265-271.

Gorbunova, L. I. (2011). Postmodernity as a trend in the development of culture of the XX century. *Bulletin of the Moscow State Technical University*. Vol. 14. no. 2. pp. 265-271. (In Russ.)

Делез, Ж., Гваттари, Ф. (1998). *Что такое философия?* М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя. (Серия «Gallicinium»).

Deleuze, J., Guattari, F. (1998). *What is philosophy?* Moscow. St. Petersburg. (“Gallicinium” series). (In Russ.)

Делез, Ж. (2008). *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
Deleuze, J. (2008). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Деррида, Ж. (2000). *О грамматологии*. М.: Ad Marginem.
Derrida, J. (2000). *About grammatology*. Moscow. (In Russ.)

Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Jamison, F. (2019). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow. (In Russ.)

Жижек, С. (2017). *Киногид извращенца*. Екатеринбург: Гонзо.
Zizek, S. (2017). *Perverter's movie guide*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Емелин, В. А. (2010). Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 28. № 3. С. 65-75.

Emelin, V. A. (2010). Labyrinths of Postmodernism: identification of the elusive meaning. *State, religion, Church in Russia and abroad*. Vol. 28. no. 3. pp. 65-75. (In Russ.)

Кристева, Ю. (2003). *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя.

Kristeva, Yu. (2003). *The Forces of horror: an Essay on disgust*. St. Petersburg. (In Russ.)

Кузнецова, Н. В. (2019). Отражение и конструирование действительности медиадискурса во внешней политике России (на материале французской периодики). *Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста*. Отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. С. 122-127.

Kuznetsova, N. V. (2019). Reflection and construction of the reality of media discourse in Russia's foreign policy (based on the material of French periodicals). In Kormilina, N. V., Shugaeva, N. Y. (eds.). *Questions of general linguistics, semasiology and linguistics of the text*. Cheboksary. pp. 122-127. (In Russ.)

Липовецкий, М. Н. (1997). *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.

Lipovetsky, M. N. (1997). *Russian postmodernism. (Essays on Historical Poetics)*. Ekaterinburg. (In Russ.)

Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Ред. и предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС.

Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by*. Baranov, A. N. (ed., preface). Moscow. (In Russ.)

Лиотар, Ж. Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. (In Russ.)

Liotard, J. F. (1998). *The state of postmodernity*. Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Мусихин, Г. И. (2013). *Очерки теории идеологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Musikhin, G. I. (2013). *Essays on the theory of ideology*. Moscow. (In Russ.)

Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. (2021). Под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. Пер. с англ. В. М. Липки. Вступ. ст. А. В. Павлова. М.: Рипол-Классик.

Van der Acker, R., Gibbons, E., Vermeulen, T. (eds.). (2021). *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Lipki, V. M. (transl.), Pavlov, A. V. (introd.). Moscow. (In Russ.)

Рыков, А. В. (2007). *Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990 гг.* СПб.: Алтея.

Rykov, A. V. (2007). *Postmodernism as “radical conservatism”. The Problem of Artistic and Theoretical Conservatism and the American Theory of Contemporary Art 1960–1990.* St. Petersburg. (In Russ.)

Тойнби, А. (1990). *Постижение истории.* М.: Прогресс.

Toynbee, A. (1990). *Comprehension of history.* Moscow. (In Russ.)

Федосеева, Е. В. (2016). *Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (по материалам статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации): дис. ... канд. филол. наук.* Иркутск.

Fedoseeva, E. V. (2016). *Cognitive Mechanisms of Discursive Construction of Reality in Media discourse (Based on Articles about Russia in Modern English-language Mass media).* Candidate's thesis. Irkutsk. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.* М.: Касталь.

Foucault, M. (1996). *The Will to Truth. Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years.* Moscow. (In Russ.)

Фуко, М. (2005). *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью.* Ч. 2. М.: Праксис.

Foucault, M. (2005). *Intellectuals and Power. Selected Political articles, Speeches and Interviews.* Part 2. Moscow. (In Russ.)

Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия.* М.: Альпина Паблишер.

Fukuyama, F. (2019). *Identity. The desire for Recognition and the Policy of Rejection.* Moscow. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2016). *Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества.* М.: Весь Мир.

Habermas, Yu. (2016). *Structural Change of the Public Sphere: Research on the Category of Bourgeois Society.* Moscow. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика просвещения, философские фрагменты.* М.-СПб.: Медиум, Ювента.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of enlightenment, philosophical fragments.* Moscow. St. Petersburg. (In Russ.)

Эко, У. (2014). *Имя розы*. М.: АСТ: CORPUS.

Eco, U. (2014). *The name of the rose*. Moscow. (In Russ.)

Fiedler, L. (1972). *Cross the Border – Close the Gap*. N.Y. Stein and Day.

Hassan, I (1987). *The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory a Culture*. Columbus. Ohio State University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Олешкова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал), г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57; e-mail: oleshkova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>

Статья поступила в редакцию: 20.08.2023

После доработки: 30.09.2023

Принята к публикации: 20.10.2023

Oleshkova Anna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences of the Russian State Vocational Pedagogical University (branch), Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya Str., 57; e-mail: oleshkova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>

The paper was submitted: 20.08.2023

Received after reworking: 30.09.2023

Accepted for publication: 20.10.2023